

ляют воском несчастную букашку, залетевшую невзначай в их пчелиное царство.

— Пора спать, племянничек, — сказал Гранде по уходе гостей своих; — о делах до завтра, а теперь уже поздно; завтра я скажу тебе, для чего сюда прислал тебя отец твой. Завтракаем мы в восемь часов; в полдень тоже перекусим что-нибудь... немножко, почти ничего, — яблочко, хлеба, так... самую крошечку; стакан вина; потом обедаем в пять часов, по-парижски. Вот и весь порядок дня. Захочешь погулять по городу, в окрестностях, никто не помешает тебе; но меня уж извини; водить тебя не буду; у меня дел куча. Ты, может быть, услышишь про меня сплетни, тебе наговорят, что я миллионер, богач... да ты не верь им, — вздор! Пусть их говорят там; мне хуже не будет. У меня нет ничего; я бедняк, нищий; работаю, как бык, как последний батрак, сколачивая деньги на пропитание. Ты, может быть, сам скоро узнаешь, как дороги денежки. — Ну-ка, Нанета, дай свечку!

— Надеюсь, милый Шарль, что вы будете всем довольны; но если что-нибудь нужно вам будет, так кликните Нанету.

— О! я никого не беспокою, тётушка; со мною весь мой багаж. Позвольте же вам пожелать доброй ночи... вам тоже, кузина.

Шарль взял из рук Нанеты восковую свечку, желтую, залежалую в лавке, до того похожую на сальную, что даже сам Гранде, которому, впрочем, никогда и в голову не приходили восковые свечи, не заметил в доме у себя такого великолепия.

— Пойдемте же, я покажу дорогу, — сказал старый чудака.

Вместо того чтобы выйти чрез главную дверь, Гранде пошел чрез коридор, отделявший кухню от залы. Со двора коридор защищен был дверью с вделанным в нее овальным стеклом. Но зимою в нем было холодно, как на дворе; холод проникал даже в залу, где едва-едва было тепло.

Нанета задвинула все задвижки на воротах и спустила с цепи страшную собаку. Дикое животное, потерявшее свой лай, только и слушалось одной Нанеты.

Когда Шарль прошел по лестнице, дрожавшей под тяжелой походкой его дяди, и взглянул на пожелтевшие, закоптелые стены, к которым примыкала лестница, то подумал, что попал в курятник. В удивлении, в изумлении он взглянул на тётку и на кухню, но те, не понимая его, отвечали ему дружескою, просто-душною улыбкою; Шарль был в отчаянии.

«Да зачем же это прислал меня батюшка к таким чудакам?»

Когда дошли до первой площадки лестницы, Шарль увидел перед собою три двери; они были выкрашены красною краскою и